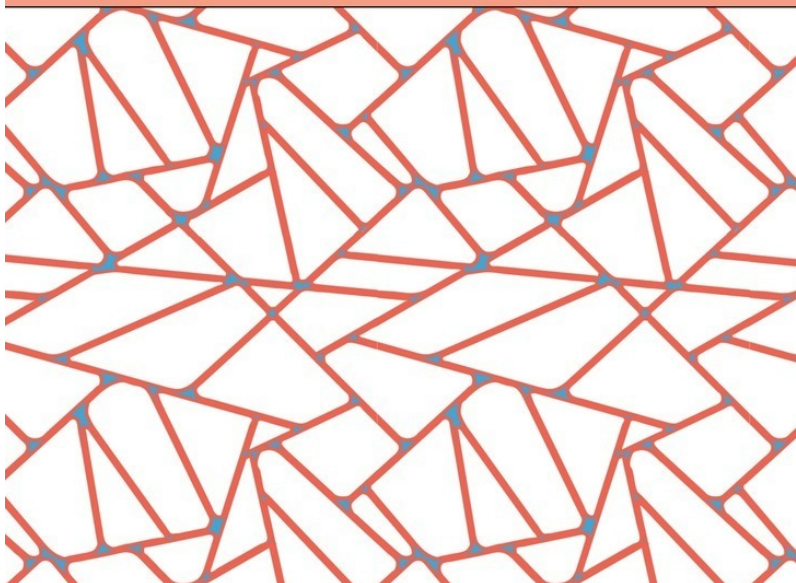

Иван Трофимов

В сумерках

Реальная мистерия

Иван Трофимов

В сумерках. Реальная мистерия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22104129

ISBN 9785448346163

Аннотация

Мистерия реальности. Попытка автора в клиповом варианте представить человеческие жизни, связанные в финале одним страшным событием. Малорадостные серые будни обычных людей, привычное насилие и безразличие окружающих должно привлечь внимание читателя и вызвать стойкое отторжение всей той гадости и мерзости, что порой творится вокруг.

Содержание

Автор жжет	5
В сумерках	11
Виктор	11
Утро	18
Виктор	24
Утро	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

В сумерках Реальная мистерия

Иван Трофимов

© Иван Трофимов, 2018

ISBN 978-5-4483-4616-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор жжет

Трудно это воспринимается, и не все это видят, но в нынешнем двадцать первом веке постепенно наступает конец классической литературы. Классической в восприятии ее категориями прошлого века (как умно получилось, аж, сам удивился). Вместе с книгами, напечатанными на бумаге, уходит в прошлое и сам автор, представляющий на многих печатных страницах свое видение мира, каких-то исторических моментов, важных событий или просто описатель человеческих жизней, неважно в каком направлении, в каком стиле или времени, в каком жанре и на каком языке. Уходит автор, конечно, не в физическом смысле, а как понятие, существующее в литературе многие столетия.

Автор уходит из литературы, журналистики, телевидения, радио и прочая. В большинстве случаев никому не интересно, что по тому или иному поводу думает журналист или писатель. Важно, что думают и говорят те люди, с которыми общается журналист. Важно и интересно мнение окружения. Именно такие материалы смотрятся и читаются с интересом, а «говорящие головы» что на телевидении, что в прессе уже мало у кого привлекают внимание.

В литературе все эти процессы не так заметны (еще издаются миллионными тиражами книги Джоан Роулинг), но и здесь человек не хочет читать длиннющие описа-

ния, нудные монологи, авторские ремарки и рассуждения на несколько страниц, характерные для литературы 19—20 веков. Читатель хочет действия, динамики, быстрого развития событий. Таким образом, возникает клиповое восприятие происходящего, эдакими взрывными отрезками, связанными между собой. Все должно происходить быстро и желательно без перерыва – открыл книгу и дочитал ее до конца, не отрываясь. Ясно, что такая книга не может быть объемной, но должна вмещать максимум интересного.

Мне кажется, что современная литература должна стать более яркой что ли, более зримой, чтобы ее воспринимал читатель в настоящем (а не в прошедшем времени, как написаны почти все произведения). То есть, написанную от первого лица: «Я живу. Я иду. Я вижу». Это, по-моему, довольно трудно, но именно тогда произойдет погружение читателя во все происходящее, вовлечение его в калейдоскоп событий, описанных в произведении. А длинные описания должны остаться только в научных трудах, там без скрупулезного описания процессов никак не обойтись. Впрочем, специалистам это будет только интересней.

Это по форме. А по сути... Конечно, не я первый пишу про то, что современная человеческая жизнь, особенно в России, далека от идеала... Что много вокруг грязи, мерзости и злобы, воровства, убийств, изнасилований, издевательств и прочих прелестей человеческого бытия. Мы рож-

даемся ангелами, но потом приспособливаемся к существующей несправедливости, вписываемся в нее и ползем таким макаром по жизненной дороге, извиваясь, как змея, огибая неровности и опасности. Да вот только приползая к последней черте, становится грустно и больно, что за долгие годы не сделал ничего хорошего, что осталось бы в памяти хотя бы твоих потомков (не говоря уже о других людях) и за что тебя могли бы вспоминать долгие годы после того, как тебя не станет. Каждый об этом подумает, когда придет время. И это касается не материальных благ, как тешат себя новые российские нувориши. Как бы это ни звучало банально, но такие нравственные категории, как дружба, любовь, участие, доброта, искренность, память, – за деньги не купишь. Можно получить только видимость всего этого... суррогат. И понимание все равно придет... на последнем пороге, когда предстанешь пред светлы очи апостола Петра. Впрочем, это мое личное мнение.

А литература, все-таки, имеет большое влияние на человеческую душу. Лично мою жизнь круто повернул роман великого русского писателя 20 века Федора Абрамова «Дом». Я тогда словно очнулся, огляделся вокруг и понял, что живу не там и не с теми, дружу тоже, что вся жизнь – какой-то пьяный угар с перерывами для заработка денег для того, чтобы иметь возможность продолжения этого угара.

Я написал даже стихотворение по этому поводу, и в нем были такие строчки в конце:

...Что бы увидеть душу человека
И самому с душою нужно быть.

Я понял, что нужно измениться самому, чтобы видеть других, нормальных людей, а не тех, что тебя окружают сейчас. Мне не стало жить легче, стало труднее, но с этого момента я старался жить правильной. К сожалению, это получалось не всегда.

Спасибо за это великому писателю с большой душой.

Так вот, то, что я представляю читателям, не претендует на истину в последней инстанции, не принуждает к чему-то и не отвращает от чего-то. Для кого-то, может быть это обыденность, в которой человек живет всю жизнь, даже не задумываясь, что может быть как-то по-другому. **НО ГЛАВНАЯ МЫСЛЬ НАПИСАННОГО ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ КТО-ТО, ХОТЬ ОДИН ЧЕЛОВЕК, ОГЛЯНЕТСЯ ВОКРУГ И УВИДИТ ТО, ЧТО НЕ ВИДЕЛ РАНЬШЕ: УБОЖЕСТВО ОКРУЖЕНИЯ, ИСПИТЫЕ РОЖИ СОБУТЫЛЬНИКОВ, ГРЯЗЬ И НИЩЕТУ... ГОЛОДНЫХ ДЕТЕЙ. ИЛИ ОН УВИДИТ, ЧТО В ЕГО ЦАРСКОМ БЛАГОПОЛУЧИИ УЖЕ ДАВНО ПОСЕЛИЛАСЬ ЗАВИСТЬ, ЛЕСТЬ, ЗЛОБА И АЛЧНОСТЬ РОДНЫХ ЕМУ ЛЮДЕЙ... И ЕГО ГОЛОВУ, ВДРУГ, МОЛНИЕЙ РАЗОРВЕТ МЫСЛЬ, ЧТО ВСЕ ВОКРУГ НЕ ТО И ВСЕ НЕ ТАК... ОН ВЫРВЕТСЯ ИЗ БЕЗЫСХОДНОСТИ, ПОМЕНЯЕТ ИЛИ НАЙ-**

ДЕТ, НАКОНЕЦ, РАБОТУ, УЕДЕТ НА СЕВЕР, ПОЛЕТИТ В КОСМОС ИЛИ ПРОСТО УЛЫБНЕТСЯ ТЕЩЕ, РАДОСТНО ОБНИМЕТ ЖЕНУ И ПОЦЕЛУЕТ ДЕТЕЙ... А МОЖЕТ НЕ ВЫРВЕТСЯ... НО ХОТЬ ПОПЫТАЕТСЯ... ИЛИ ТОЛЬКО В ЕГО ГОЛОВЕ ВОЗНИКНЕТ НАДЕЖДА... ТОГДА МОЯ ЗАДАЧА БУДЕТ ВЫПОЛНЕНА.

Может быть, то, что я написал, похоже на что-то новое, необычное. А может это воспримется, как античный роман – откровенную нудятину, в которой не поймешь, где конец и где начало, нет постоянных героев и повествование идет от разных лиц, причем в разные временные отрезки. Я попытался, казалось бы, совершенно не связанными друг с другом клипами провести одну, единственную мысль через все произведение, чтобы все это в конце сплелось в единый узел. Получилось ли, нет – не знаю, но я писал с надеждой на то, что все у меня логически выстроено и сцеплено внутренней связью. А по прочтении, может быть, кого-то все-таки пронзит отчаянная мысль... Очень бы этого хотелось...

Я знаю – это бред и небылицы,
Но хочется, чтоб можно было впредь
В своей стране, не где-то за границей
Достойно жить, спокойно умереть.

Это тоже четверостишие моего стихотворения.

И вот еще, как-то в нехорошую сторону нынче трансформировалось такое понятие, как совесть. В современной

России олигархи, высшие чиновники и их сыновья подвиги не совершают... А при царе героями случались даже великие князья...

Иван ТРОФИМОВ.

В сумерках

Виктор

В сумерках Лишь только приходит сознание собственного «я», как ты сразу понимаешь, что зря появился на этом свете, что здесь ты никому не нужен, даже родителям. Они, конечно, тебя кормят, поят, ухаживают, даже любят по-своему, насколько позволяют им это существующие обстоятельства, но в то же время ты видишь, что матери не доставляет особого удовольствия стирать твои описанные штанишки, что отец скорее купит себе кружку пива, чем какую-то конфетку тебе. Играть тебе с раннего возраста не с кем и нечем. Конечно, пока ты лежал в колыбельке, у тебя были какие-то погремушки, но стоило тебе подрасти, как игрушек не стало. Оставалось придумывать себе игры: пока отца не было дома, ты возюкал по грязному полу его вонючие тапки вместо машинок, доставал молоток и забивал в комнате все, что можно было забить, катал по полу мамины катушки с нитками, рисовал каракули на тетрадках и книжках сестры. За все это тебя наказывали – ругали или ставили в угол. Ты не понимал за что, дулся и плакал горькими слезами. Сестра тоже плакала, глядя на свои изрисованные учебники, родители были серьезные, и смотрели строго.

Дома тебя не били. Но все это было невинным огорчением по сравнению с испытанием, которое именовалось детским садом.

В детском саду тебя ненавидели. Ненавидели все. И твоему маленькому детскому умишку было совершенно непонятно, почему все это происходит именно с тобой. Ты не понимал, как нужно себя вести со сверстниками и воспитателями, чтобы с ними просто общаться без криков, побоев и ругани, ты не хотел есть противную манную кашу, совсем не такую, какую варит мама. Воспитательница и нянька насильно кормили тебя этой кашей, ты не открывал рот, нянька тебя держала за руки, а воспитательница прижимала нос, чтобы ты не мог дышать и для вдоха открывал рот, в этот момент тебе всовывали ложку каши и закрывали рот скользкой ладонью. Таким образом, в тебя запикивали положенную порцию, а когда тебя вырвало прямо на стол, то воспитательница хватала за волосы и возила твое лицо по рвотной массе. Дети вокруг смеялись.

Воспитательница и нянька запрещали во время тихого часа вставать в туалет, и ты терпел два часа, а если не получалось, то писался в кровать, и тогда воспитательница срывала с тебя мокрую одежду и била тебя ей по лицу, а потом ставила в угол босыми ногами на холодный пол без трусиков и штанишек. Ты стоял, тихо всхлипывая, потому что и плакать было нельзя, за это тоже били, иной раз головой о стену. И опять над тобой смеялись дети.

Ты пытался рассказать обо всем отцу, но он тебя не слышал, или не понимал, он заигрывал с воспитательницей, улыбался ей, она улыбалась ему, они оба говорили друг – другу приятные слова. Тебе казалось это странным, потому что в твоей жизни воспитательница была злобной, с кислой физиономией и поджатыми губами, все время готовая тебя ударить.

Из детского сада вы обязательно шли в пивную, где противно воняло кислятиной, табаком и еще много чем неприятным. Отец пил пиво, вино, тебе давали какой-нибудь кусок вяленой рыбы, ты его сосал с отвращением, вокруг ругались матом, иногда мужики дрались между собой, и это было страшно.

Если бы у тебя была своя комната, ты гулять не ходил бы вовсе. Но комнаты не было – вы жили вчетвером в одной большой комнате, и здесь у тебя не было даже собственного угла. Поэтому все свободное время приходилось проводить на улице – на все детство и юность улица тебе заменила дом.

Здесь ты тоже никому не был нужен, и уличные отношения выстраивались по принципу: кто сильнее, тот и прав. То есть, ты вынужден был научиться подлизываться к старшим пацанам, унижать младших и давать сдачи сверстникам, по – другому выстраивать отношения не получалось.

Ты, казалось, вписался в дворовый и школьный коллектив, но все равно никак не мог понять, почему же все-таки люди делают друг – другу гадости, и знакомые, и не очень?

Ты сам по себе никого никогда не хотел обижать первым. Да и вообще, тебе были противны и унижения, и оскорбления, особенно слабых, которые не могли за себя постоять. Но ведь именно слабых все и всегда обижали. Получалось, что таким места нет на земле. Но иной раз в роли обидчика выступал кто-нибудь ничуть не сильнее того, кого обижал. Однако этот обидчик имел сильного защитника, и такое положение было еще омерзительнее того, если бы обидчик был сильнее.

Но ведь те, кого обижали, они же были людьми. Они же не виноваты были в том, что появились на этом свете. Это же случилось не по их воле. И если ты все-таки родился, тебе же должны быть доступны все человеческие радости? Или ты должен существовать только как объект насмешек? Но ведь и ты, и тот, кто тебя все время унижает, созданы по образу и подобию божьему, физиологически в вас нет никаких различий. Но, почему-то он имеет право на радости жизни, а ты нет... А ты готов обнять весь мир, ты летаешь во сне и грезишь о безумной любви, начитавшись книжек.

...

Тебе пять лет. Вы с товарищем во дворе играете с маленьким, пушистым котенком. Котенок весело бегает за импровизированным бантиком, кувыркается, подпрыгивает, вы веселитесь вместе с ним.

Подходит старший мальчишка:

Ой, какая киса!

Вы насторожились – от этого маленького, рыжего пацана можно было ждать всяких гадостей.

Мальчишка берет котенка на руки, гладит его, ничего не подозревающее животное начинает от удовольствия урчать и жмуриться.

И вдруг... мальчишка размахивается и со всей силы бьет котенка об асфальт.

У котенка разбита голова и, видимо, поломан позвоночник. Он изо всех сил на передних лапках старается уползти от своего мучителя, волоча за собой заднюю часть тела. Из рта у него течет кровь, один глаз выбит и болтается на какой-то нитке.

Мальчишка с хохотом пинает несчастное животное, потом подбегает к нему и с силой опускает каблук ему на голову.

Хруст костей, тело котенка бьется в предсмертных судорогах, на асфальте лужица крови и мозгов.

Мальчишки с веселым гоготом куда-то бегут, пиная еще не остывшее, окровавленное тельце котенка, как футбольный мяч.

Домой ты идешь на ватных ногах, у тебя все время перед глазами выражение ужаса на изуродованной кошачьей мордочке, струйка крови из его разбитого рта. Слезы льются из твоих глаз, дыхание перехватывает.

– Мама! Мамочка! Они котенка убили! – ты утыкаешься в теплый мамин живот, рыдания сотрясают все твое тело.

...

Сегодня в школе у вас какая-то непонятная суета, учительница то сама куда-то уходит, то к ней кто-то приходит. Все говорят, что будет торжественный прием в октябрюта. По этому поводу уроков мало, и они какие-то несерьезные. Вы, правда, всего два месяца учитесь и еще особо не привыкли к школьным порядкам, но сегодня этот самый порядок как-то нарушен. В классе шум, и учительница иной раз даже не обращает на это внимания.

Потом вас ведут в актовЫй зал. Здесь много народа, приходится стоять плотно друг к другу. Где-то за спинами впереди стоящих кто-то что-то говорит. Плохо слышно и ничего не понятно. Все толкаются, а учительница строго зыркает и грозит пальцем.

Потом вам велят достать пятиконечные красные звездочки с изображением кучерявого маленького Ленина и прицепить их на форменные курточки.

Теперь вы октябрюта, а что это такое, похоже, не знает даже учительница.

...

В пионеры вас принимали в день рождения вождя в апреле на площади возле памятника этому самому вождю. Опять же большой толпой, несколько параллельных классов, вас привели на площадь, построили возле монумента, и какая-то вожатая визгливым голосом пропищала что-то про обязательства, связанные с тем, что теперь, мол, вы стали

пионерами. Старшие товарищи подошли к вам и стали повязывать галстуки. К тебе подошел мальчишка из вашего двора и сказал:

Ну, давай я тебе повяжу этот ошейник...

Бронзовый Ленин стоял загаженный голубями.

Утро

– Кушай, Катя! Кушай, Маша!

Ей где-то пять-шесть лет. Она сидит на небольшом пригорке в мягкой траве и тычет ложку с песком то одной, то второй кукле. Куклы старые, обтрепанные, со смазанными нарисованными лицами. Рядом бегают, нетерпеливо повизгивая, толстый щенок, норовить схватить куклу. Она отгоняет щенка платком, тот клацает зубами, норовит платок схватить. От щенка воняет псиной.

Катя! Маша! Нельзя же так! Ешьте сейчас же!

Бабушка вышла на крыльцо:

Лена! Леночка! Где ты? Иди кушать скорее!

Щенок, пользуясь тем, что она отвлеклась на голос бабушки, радостно вцепился в куклу Катю, зарычал с видимой злобой, замотал куклой из стороны в сторону.

Отда-а-ай! Отдай сейчас же! А-а-а, бабушка, он куклу у меня украл!

Щенок весело бежит к кустам, смешно подбрасывая толстый зад. Несчастная кукла телепается по пыли, цепляется за колючки и ветки, оставляя на них кусочки платья.

Лето. Жара. Дача.

...

Давно уже ты не просыпалась с радостным чувством того, что жизнь прекрасна, что именно сегодня тебя ждет уди-

вительное открытие, от которого перевернется весь мир вокруг тебя, не будет ежедневных серых будней, а жизнь станет радостной и счастливой. Ты не знаешь, как это все произойдет. Ты даже не представляешь, что же может тебя, вдруг, осчастливить, но вот оно есть – ожидание счастья. И это делает утро радостным.

Но потом ничего не происходит. В школе стерва-математичка, не терпящая возле себя ничего живого и яркого, гнобит тебя по любому поводу и через день вызывает в школу маму. За что? А за то, что ты молодая и красивая, что у тебя на лице выражение приветливости и участия, что ты не стучишь ей на своих товарищей и не заискиваешь перед ней.

Потом стерву-математичку сменяет придурок-историк, который оставляет после урока на «консультации» и норовит своими липкими руками залезть в трусы...

...

Радости нет, есть какое-то смутное чувство, что нужно вылезать из теплой постели и куда-то идти. Куда? Зачем?

На улице дождь – не дождь, туман – не туман, висит в воздухе какая-то водяная пыль и, кажется, никуда не девается. То есть, капли, даже не капли, а мельчайшие водяные частицы просто находятся в подвешенном состоянии, и вопреки всем законам природы не падают на землю, их никуда не сносит ветром. Впрочем, ветра тоже никакого нет.

«Нужно было штаны надеть», – колени моментально стали мокрыми и холодными, и подлая влага поползла ледяны-

ми узкими-преузкими струйками в сапоги. Кожа под струйками покрывалась пупырышками, тело сотрясала непривольная дрожь. Даже не дрожь, а конвульсии.

«Бр-р-р! Ну и лето»

Такси!

«Господи! Ну почему все таксисты такие козлы? Заднюю дверь специально закрыл, сволочь, чтобы я на переднее сидение села.

Ну-ну, сейчас начнет скорость переключать и, как бы случайно, по ноге шаркать своей лапищей.

Давай – давай, я посмотрю, как тебя возбудит мой сапог.

Черт, он уже выше полез, и ногу никуда не уберешь, слишком узко. А с другой стороны, что он может сейчас? Белый день, народа кругом уйма, движение плотное, в любое время смогу выскочить на светофоре. Нужно посмотреть на него с возмущением, авось подействует.

Подействовало, но все равно косится на колени. Но здесь у него может работать только воображение.

Ну и черт с тобой – воображай сколько угодно, только меня не лапай. Хороша Маша, да не ваша!

Все, приехали! Вот твои десять баксов и вали от меня на своем драндулете.

Телефончик? Ага – без телефончика не облезешь!»

...

– Нинка! Нинка, сука! – по тротуару, неуклюже переваливаясь, бежит какой-то плохо одетый молодой человек невы-

сокого роста. Он пытается бежать быстро, но не может, его кривые ноги не позволяют ему этого. Человек красный от натуги и злобы, потертый пиджак распахнулся, из-под расстегнутой рубашки видна несвежая майка, прикрывающая хилую грудь. Рубашка вылезла из брюк, на туфлях развязанные шнурки, – Нинка! Стой, сука!

Вопли недомерка никак не достигают ушей Нинки – пьяненькой, мордастой девахи, которая идет по тротуару с подругой, что-то оживленно обсуждая.

Кому говорю, стой!

Наконец, девицы останавливаются, с удивлением смотрят на приближающегося кавалера.

Нинка чуть ли ни на голову выше его. Он подбежал, тяжело дыша, потный, лицо перекошенное – хрясь, хрясь справа, слева Нинку по физиономии. Опять – хрясь, хрясь. Голова девицы болтается из стороны в сторону, из носа закапала кровь на одежду, на тротуар, на его кулаки.

Подружка опасно дергает разъяренного ухажера за рукав:

– Владик, Владик, успокойся! Люди же кругом! Стыдно же!

– Что? А? Я тебе покажу, сука! Я тебе устрою гульки! Что тебе, пацан? Говори – пацан? – он хватает девицу за волосы, начинает рвать из стороны в сторону. В углах губ у него появляется пена.

– Да что же это такое? – какой-то невысокий мужчина

в плаще, в очках, шляпе, с портфелем, – Прекратите сейчас же, свободной рукой он тянет от девицы не в меру разбушевавшегося Владика.

– Мужчина, отойдите, мы сами, – подруга продолжает уговаривать Владика, – Ну, Владик! Ну, Владик, же!

– А? Что? Ты кто такой? – Владик, наконец, обратил внимание на мужчину. Нинка отвалилась в сторону, покачиваясь и сплевывая на тротуар кровь.

Мужчина хоть и невысокий, но плотненький такой, сбитый, Владик перед ним – пацан-пацаном.

Смутился поначалу, но потом, увидев харкающую кровью Нинку, опять взъярился, завизжал, забрызгал слюной:

– Кто ты такой? Я тебя спрашиваю?

– Прекратите избивать девушку!

Стоят друг против друга, набычились.

– А – а – а – а! – надрывно, как-то по-собачьи, завыл Владик, мгновенно выхватил что-то из кармана брюк, резко взмахнул рукой, мужчина захрипел, стал заваливаться на стоящее перед ним убожество, случайно именуемое человеком, тот отскочил, отдернул руку – в руке окровавленный нож. Мужчина упал сначала на колени, потом завалился на левый бок, левой рукой он зажимал рану где-то в районе живота.

Подбежала, бухнулась на колени, приподняла голову.

Человек сначала подмигнул ей правым глазом, а потом скривился от боли.

– Не волнуйтесь, у ножа лезвие короткое, он, наверное, ничего мне важного не повредил, – помолчал, – Я сам хирург.

Она смотрит на него дура – душой, и сказать не знает что. «Господи, «скорую» бы кто вызвал что ли?

А кровь из него все течет и течет, он все бледнеет и бледнеет.

Ну, где же «скорая?

Ф-ф-фух, наконец-то!

У него еще силы есть улыбаться».

Кто-то положил в машину портфель. Человек благодарно пожал ей руку.

Среди бела дня по центру города бежал нескладный, расстрепанный, кривоногий человек с окровавленным ножом в руке. Прохожие испуганно шарахались от него, человек бежал, то и дело, оглядываясь, никто его не преследовал, где-то недалеко выла сирена «скорой помощи». Глухой удар, звук падающего тела: человек со всего хода врежется в фонарный столб всем телом, отлетает от него, как резиновый, падает навзничь на асфальт, со стуком голова бьется о бордюрный камень. Нож все еще зажат в его руке.

«Скорая»! «Скорая»! Сюда! Сюда!

Их везут вместе в одной машине: один попадает в операционную, остывающее тело другого отправляют прямиком в морг.

Виктор

Урок то ли биологии, то ли химии. Вы с товарищем сидите на последней парте, впереди – две девочки, вам показывают учебный фильм. Гаснет свет, товарищ тянется руками вперед и щупает одну девочку за грудь, та не реагирует, как будто все происходит не с ней. Потом товарищ толкает тебя: давай, мол. Только ты успел ощутить приятную, волнующую мягкость девичьей груди, как неожиданно зажигается свет. Ты еле успел отдернуть руки, но она замечает это, замечает и ее соседка. Вы оба сидите красные, не знаете куда деваться от стыда и неловкости.

Свет опять гаснет, фильм продолжается. Твой товарищ опять лезет к девице, только ты начинаешь делать то же самое, опять включается свет. Девица сидит застывшей мумией, ты опять красный, подружка смотрит на вас искоса. В третий раз случается то же самое – это какой-то рок. У твоего товарища все проходит, как по писанному, а ты выставляешься на показ похабником (похоже, только в глазах подружки). Ты вообще не знаешь, куда деваться от стыда... И тут звучит долгожданный звонок. Бегом к двери, но суровый учительский окрик:

Всем оставаться на своих местах! Садитесь!

Ты садишься на ближайший к тебе стул, забирая его у стоящей рядом девицы. Девица не видит, что стул забрали, са-

диться и падает на пол, ты видишь мелькнувшие выше колен ноги и беленькие трусики. Все смеются, ты вылетаешь из класса.

До этого случая ты еще ни разу не чувствовал женской груди.

...

«Катерина – луч света в темном царстве».

Не понятно. Не понятно в каком это «темном царстве» Катерина – луч света? Где это темное царство? Неужели в собственном доме на берегу Волги, где у нее есть своя комната и нет докучливых соседей? А может «темное царство» – это ее окружение, ее свекровь – Кабаниха, знакомые Кабанихи? Да какое же они «темное царство» – нормальные люди, ну, конечно, со своими кандебоберами. Но если бы Островский был знаком с соседом дядей Павой, то Кабаниха ему показалась невинной бабусей. Дядя Пава систематически напивался вдрызг и вымещал свою злобу на своей жене и маленькой дочери. Жена дяди Пavy пряталась с дочерью у соседей, она, почему-то, всегда была голая, и, мало того, что ей приходилось скрываться от мужа, ей нужно было еще прикрыть свою наготу.

Или безногий сапожник, герой войны, дядя Коля, которому государство за его оторванные снарядам ноги платило пенсию, равноценную стоимости трех бутылок водки. Дядя Коля весь день сидел в своей сапожной будке, ремонтируя за копейки старую, изношенную обувь его клиентов, а к ве-

черу обязательно напивался до состояния риз и материл всех и вся, особенно доставалось партии и правительству. Дядя Коля умер прямо в своей будке, а деньги на его похороны собирали всем двором. Его боевые награды не вместились на двух подушечках.

Бабушка всю свою жизнь прожила в деревне, проработала в колхозе, и на старости лет осталась без дома и с пенсией двенадцать рублей в месяц. Она вынуждена была жить по очереди у своих детей, и это не очень-то нравилось и самим детям и их семействам.

– Бабушка, а когда ты уедешь? – ты наивно спрашиваешь ее, не предполагая, что таким образом причиняешь ей боль. Просто такой вопрос отец часто задавал матери. Однако из своих двенадцати рублей пенсии она давала тебе целый рубль на конфеты. Таких денег от родителей ты не видел никогда.

Под конец жизни бабушка жила вдвоем со своей слепой двоюродной сестрой в старом покосившемся глинобитном доме, они ухаживали друг за другом по мере сил.

Когда бабушка умерла, ее сестру родственники определили в районный дом престарелых, забрав при этом все деньги, которые она за долгие годы скопила на похороны.

Дядя в первые же дни войны раненым попал в плен к немцам. От смерти его спасла какая-то австрийская женщина, сын которой был убит на Восточном фронте. Всю войну дядя проработал у нее батраком и называл ее не ина-

че, как мутер. После войны он отсидел пять лет в лагерях и потом на всю жизнь получил от благодарных односельчан кличку – предатель. Его дети, естественно, были сыновьями предателя.

...

Катерина – «луч света» жила в свое удовольствие на полном иждивении у мужа, маялась от безделья и бездетности, и страдала от непонимания окружающих. Люди в этом «темном царстве» только и занимались тем, что ходили друг к другу в гости, фланировали по набережной и вели какие-то необязательные беседы. В этом «темном царстве» не было ни работы с раннего утра до позднего вечера, ни всеобщей нищеты и невозможности как-то получше одеться, ни беспроблемного пьянства всех и вся.

От чего бежала Катерина? Все знакомые вокруг только и мечтали о том, чтобы оказаться хоть в конце жизни в таком «темном царстве», каким его представил писатель.

Где ты, «темное царство»?

Ты пишешь сочинение, цитируя Белинского, обличаешь и критикуешь ненавистный царизм. Сочинение получается скучным и невыразительным, но, тем не менее, тебе за него ставят пятерку: тема раскрыта и ошибок нет.

...

Опять ухажер Свэты напился пьяный и два часа среди ночи орал под окнами, звал ее из дома.

Свэга была заметно хрома на одну ногу, но, тем не менее,

ухажеров у нее было без счета, потому, что она давала всем, и желающих попользоваться ее доступностью было с избытком.

Потом ухажер Свэты полез по пожарной лестнице на третий этаж к ее окну, но сорвался с уровня второго этажа, потому что перекладины лестницы сосед дядя Вова смазал солидолом, чтобы дети не лазили на крышу. Ухажер еще час вопил от боли и умолял вызвать ему «скорую», но телефона в доме ни у кого не было, а идти за два квартала звонить никому не охота. «Скорая» приехала как-то сама собой, и переломанного страдальца увезли в больницу.

...

Напротив окна кухни на дереве был скворечник. Семья скворцов прилетала каждую весну, каждую весну они выгоняли из скворечника воробьев, которые там перекантовывались зиму. Скворец умел копировать воронье карканье, чириканье воробьев, кошачье мяуканье и собачий лай. Он дразнил подвальных кошек и сеттера Чару, Чара сердилась и лаяла на скворца.

Вы убивали птиц. Из рогаток стреляли воробьев, откручивали им еще теплым головы, ощипывали и жарили на костре. Потом ели обгорелое, пресное, невкусное мясо. Один раз в деревне ты подстрелил ласточку. Она упала на землю и билась в траве, пытаясь взлететь. Ласточка дрожала в твоей руке, сердечко ее быстро-быстро стучалось в маленькой груди, и у тебя не хватило смелости отвернуть ей голову. Ты хотел

ее вылечить, сделал ей в сарае гнездышко, но ее в тот же день сожрала одноглазая, рыжая кошка. Эта кошка была абсолютно бандитских наклонностей, она втихаря воровала цыплят, охотилась на птиц, но не давала спуску мышам и крысам. За что ее, в общем-то, и держали. Кроме того, у кошки были извращенные сексуальные наклонности – ей нравилось трахаться на спине, и потом за всю оставшуюся жизнь ты не видел кошек, у которых бы в такой позе происходил процесс зачатия.

...

Ребята, айда смотреть, как Урана в будку забирать будут!

Уран, старый ирландский сеттер, шел из подъезда на веревке у собачника, понуро опустив голову. Он понимал, куда его ведут и зачем, и, казалось, со всем смирился. Но возле самой двери в будку собака заартачилась, начала вырываться, Уран заскулил и с отчаянной тоской посмотрел вокруг. Хозяина рядом не было, не было ни одного сочувствующего лица. Собачник ловко закинул веревку за специальный крюк, за удавку подтянул собаку до уровня двери и палкой запихнул в будку. Когда его тянули вверх на веревке, Уран описался.

Гы-гы-гы! Смотри, обоссался!

Собака со стуком упала на невидимое дно будки, дверь закрылась, машина поехала, и по двору пронесся печальный собачий вой.

А ты все жизнь хотел собаку, но мама выгоняла тебя

на улицу с очередным бездомным щенком, который «совсем, как овчарка». Если в вашей комнате не было места для бабушки, то откуда бы оно взялось для собаки.

Утро

Колготки порвались, надо бы переодеться. Толкнулась в туалет летнего кафе – занято. Села за столик, тут же подлетел официант:

Что будем заказывать?

Молодой, улыбчивый, наглый, видимо, принял ее за шлюху.

Кофе принесите.

Какой кофе?

Молотый, по-турецки, без сливок, одну ложку сахара.

«Боже, как в туалет захотелось! Ну, прямо, мочи нет никакой. И этот придурок все рядом крутится, в глаза заглядывает.

Да иди ты отсюда!»

Что-нибудь еще?

Нет, ничего.

«Ф-ф-фух! Слава Богу, ушел! Надо как-то до туалета добраться!

Живот схватило – вот те здрасьте. Прямо какой-то камень внутри.

Пошла. Ноги движутся только ниже колен. Походка получилась, как у киношных дам начала девятнадцатого века, у которых платья обтягивали тело до колен, а ниже расширялись колоколом, так что даме волей-неволей приходилось

перемещаться таким образом, и при этом все тело извивалось, как у змеи. Вот и она дефилировала между столиками походкой киношной Маты Хари».

А попка у нее, видимо, ничего.

«Господи! И где этот пень лысый увидел попку? Под плащом-то? Вот козлы! У них других мыслей, что ли, нет? Только и думают о женских жопах!

Боже! Не дойду до туалета!

У-у-х! Наконец-то».

Колготки сняла, выбросила, без них сапоги показались холодными и липкими.

«Нужно колготки купить».

Тот лысый, который под плащом сумел разглядеть ее попку, опять покосился в ее сторону.

Села. Тут же подошел официант с дымящейся чашкой кофе. Аромат благоухал на всю кафешку.

С вас десять долларов.

«Ба! Да это же грабеж! Десять долларов стоит килограмм самых лучших зерен!»

Стоит, вылупился: глаза наглючие, морда гладкая.

Отдала деньги: «Подавись проклятуций!

Но кофе вкусный, настоящий. И на том спасибо».

...

Что-то мгновенно произошло. Что-то страшное. Звуки разом куда-то пропали, голову стиснули невидимые тиски.

Первое, что увидела – падающего официанта: он летел

на пол, видимо, по своей воле. Повернулась в сторону окна – все стекла влетали внутрь сверкающими волнами.

«Как красиво!» – успела подумать за то мгновение, пока сама летела со стула на пол, сброшенная какой-то посторонней силой. Влетела прямо под стол, и как-то так неудачно, что задралась и плащ и юбка, стала тут же их поправлять, одновременно оглядываясь, насколько можно было оглянуться в подобной ситуации, пытаюсь сообразить, что же, все-таки происходит.

Юбку поправить не очень-то удавалось, так как она упала на живот, и правая рука оказалась прижатой к телу, а плащ завернулся как раз в эту сторону, то есть был почти весь под правой рукой. Может, поэтому она не сильно ударилась, потому что упала рукой на плащ. Естественно, левой рукой она сделать ничего не могла, да еще в этой руке была сумочка.

Правую руку освободить, чтобы приподняться и поправить плащ, она тоже не могла, так как рядом с ней, немного на нее навалившись, лежал кто-то довольно тяжелый, и мало того, что он на нее навалился, он еще и тыкал ее зачем-то лицом в пол. Под столом пол был грязный, и не очень-то приятно было его облизывать, потому что она все-таки пыталась высвободиться, высвободиться не получалось, и она елозила лицом по полу. Да еще сверху все время что-то сыпалось. Картинка со стороны, наверное, выглядела очень занятно: мужчина что-то делает с женщиной под столом, женщина в нижнем белье, но пытается вывернуться.

Видимо, ее глухота во времени существовала очень недолго.

Тра-та-та-та-та! Бах, бах, бах! Тра-та-та-та-та!

Где-то кто-то страшно закричал. Закричал очень близко.

– Господи! Спаси и сохрани! – сильные руки прижали ее голову к широкой груди, даже дыхание перехватило, – Спаси и сохрани, – шептал незнакомец.

Она слышала, как мужчина сглатывает слюну, чувствовала, как начинают дрожать его руки.

Но вот все кончилось, народ стал вылезать из-под столов и стульев, просто подниматься с пола. Из-за барной стойки показался бармен. Пол в кафешке усыпан осколками витринного стекла и посуды, штукатуркой, валяются вилки, ложки. Тихо стонет раненый, его подняли с пола и перенесли на диванчик. Бармен названивает в «скорую».

Ей помогает подняться тот самый лысый, что высказывался по поводу ее попки.

В ушах опять звон, звон, звуки пропали...

– Говорю вам: «Голову закрывайте! Голову!» – а вы все на жопу плащ натягиваете... А попка у вас действительно аппетитная. Я был прав.

Вы не подумайте чего... Хотя впрочем... Знаете, увидел: девушка красивая, стройная и улыбка... У вас лицо светилось прямо. Вы может не поймете... Но так редко можно увидеть на лицах искреннее выражение чувств. А тут вы...

Стихи есть хорошие... Все забыл, только две строчки

ПОМНЮ:

Увидел нечаянный девичий взгляд
И вмиг задохнулся от счастья...

Я понимаю, это, конечно молодость... Но в молодости мы многого не ценим.

Ну все, Виктор, пошли, – товарищ взял его за рукав.

Они пошли, какие-то оба растрепанные, нескладные. Виктор горячо о чем-то говорит, активно жестикулируя.

Смешные.

...

Возле кафешки догорают остатки какой-то машины. Народ суетится, таскает откуда-то ведра с водой, выливает в огонь. На всю округу разносится запах паленого мяса. Вторая машина с выбитыми стеклами, пробитая пулями. На переднем сидении двое, видимо, в дорогих костюмах, еще несколько минут назад они были людьми. Салон машины засыпан осколками стекла, заляпан кровью и мозгами. Водитель сидит, обняв руль, в затылке – дыра, из нее сочится кровь. Рядом мужчина: грудь пробита несколькими пулями, вместо правого глаза – дыра. У мужчины, видимо, снесло выстрелом часть затылка – голова неестественно прилипла к сидению.

«Мы приехали на встречу со своими партнерами. Первая граната рванула перед нашей машиной, вторая – прямо под

машиной охраны. В нас стали стрелять, как только мы остановились. Двое, в упор, справа и слева, из автомата и пистолета».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.